

DOI: 10.24411/2308-8079-2018-00010

УДК 94:070[(47)+(410)]

**РУСЬ СВЯТАЯ ИЛИ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ?
ПОЛЕМИКА ВОКРУГ СОЧИНЕНИЙ БРИТАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА
С. ГРЭХЕМА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Третьякова С.Н.

Предметом исследования является восприятие в российском обществе образа России, созданного британским писателем С. Грэхемом в годы Первой мировой войны. Он отстаивал самобытность России, а ее силу видел в сохранении религиозно-консервативных устоев. Подобный подход вызвал серьезную критику со стороны представителей буржуазно-демократических кругов, которые считали, что такой образ России не только не соответствует действительности, но и вредит союзническим отношениям. Вредным такой взгляд для самой России считал известный писатель М. Горький.

Ключевые слова: образ России, С. Грэхем, Первая мировая война, менталитет, журналистика.

**RUSSIA: HOLY OR BOURGEOIS-DEMOCRATIC?
THE CONTROVERSY OVER S. GRAHAM'S WORKS
DURING THE FIRST WORLD WAR**

Tretyakova S.N.

The article examines the Russian society's perception of the image of Russia created by the British traveller and writer S. Graham during the First World War. He advocated originality of Russia and saw her power in conservative traditions and deep religiosity. Although in bourgeois-democratic circles his writings were heavily criticized because his perception of Russia was wrong and caused damage to Russian-British relationship. A famous writer Maxim Gorky also considered such image to be bad for Russia.

Keywords: image of Russia, S. Graham, the First World War, mentality, journalism.

Первая мировая война как любой переломный период обострила идеологические противоречия в русском обществе. В либеральных кругах России участие в войне в составе Антанты, союзнические отношения с буржуазными демократиями подразумевали не только военное сотрудничество. Для них вопрос об «адекватном образе» России в глазах этих союзников имел немаловажное значение. Какая она, Россия, на самом деле и какая была «нужна» союзникам? Примером могут служить споры по поводу сочинений британского журналиста, писателя и путешественника Стефана Грэхема (другие варианты написания его фамилии на русском языке – Стивен Грэм, Грэм, Граам).

Грэхем получил известность на родине благодаря странствиям по России в предвоенные годы, воспеваемым в своих сочинениях Святой Руси и русского патриархального крестьянства. Этому предшествовало знакомство с романом «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, которое оказало на него очень сильное воздействие. Как вспоминал Грэхем почти полвека спустя, «это было великое открытие!». Возможно, как считал он сам, этот роман изменил всю его жизнь и направил по пути религиозной философии [22, р. 14]. Это также стало толчком, чтобы начать учить русский язык, а затем молодой британец бросает спокойную лондонскую жизнь и отправляется «открывать» Россию.

Грэхем стремился увидеть разную Россию: провинцию и центр, деревню и город. Маршруты его путешествий пролегали по Кавказу и Уралу, европейскому Северу и южным губерниям, Средней Азии и Сибири. Он даже совершил поездку в Иерусалим вместе с русскими паломниками. На публикации молодого журналиста о России обратили внимание, а затем и лорд Нортклифф приглашает его к сотрудничеству с «Таймс». Не ограничиваясь странствиями только по России, в 1913 г. он совершил поездку в США, что дало ему возможность сравнить две такие разные страны. Россию и Америку Грэхем противопоставил как Восточный и Западный «полюса мысли» соответственно. Если Россия развивается как «величайшая художественная, философская и мистическая нация в мире», то Америка проявляет себя как

место, где нация «действительно честна в своей попытке осуществить величайшую мечту человеческого прогресса» [16, р. XIV-XVI].

Но Россия влекла Грэхема не только своим мистицизмом. Это влечение связано и с его увлечением идеями Дж. Рёскина и других писателей романтического направления. В английском обществе росло разочарование результатами цивилизации. Всё очевиднее становилось, что прогресс несёт не только процветание, но и обострение социальных конфликтов, разорение народных масс, нищету. Буржуазная действительность, в которой господствовал расчёт, вызывала у многих острую тоску по новым идеалам. Спасение от такого прогресса Грэхем искал в России. И в этом плане можно согласиться с исследователем А.Н. Зашихиным, который отнес его к направлению, условно названному им романтически-мистическим россиеведением [7, с. 94].

Грэхем отрицательно относился к коммерциализации и противопоставлял ее своему собственному пониманию «цивилизации». Англия, по его мнению, была цивилизована на протяжении пятисот лет средневековья, а коммерциализация, напротив, привела к децивилизации. То, что называют «грехами цивилизации», на самом деле есть «грехи коммерциализации». Коммерция в Западной Европе, по мнению Грэхема, уже подавила Христианскую Церковь, «живые источники» религии, искусства и жизни [15, р. 208]. Этим и можно объяснить привлекательность для него России, которую именно в этом смысле он называл «цивилизованной» страной. Буржуазный строй, избравший девизом индивидуальную свободу, на деле создал условия для ещё более жестокого насилия над личностью и для духовного рабства. Признавая, что России не хватает политической свободы, Грэхем видел в ней поразительно много свободы личной, духовной.

Он был убежден, что России не стоит увлекаться примером Запада, что развитие капитализма неизбежно приведёт к разрушению традиционного русского общества, и как следствие, к потере им религиозности. Насколько Грэхем симпатизирует крестьянству, настолько же негативно он относится к

русской буржуазии, считая её «бедой России», особенно обращая внимание на её антинациональный характер, противопоставляя ей при этом «образцовую» английскую буржуазию.

Грэхем всегда был горячим сторонником англо-русского союза, а с началом мировой войны он становится активным участником прорусской пропаганды. Один из основных тезисов его сочинений военного периода состоял в том, что религия России – это религия смерти, отречения, духовного подвига. «Готовность умереть есть религиозная сторона войны... Русский солдат идет на войну в том же духе, с каким русский паломник идет в Иерусалим. ... Русская религия это религия страдания и смерти, религия, которая помогает встретить страдание спокойно и всегда быть готовым к смерти» [18, р. 96-97]. Наиболее ярко это нашло отражение в книге «Путь Марфы и путь Марии», где используя библейские образы двух сестёр, «деятельной Марфы» и «созерцательной Марии», автор противопоставил практический характер западного общества мистической вере русского народа [17]. Этой же теме Грэхем посвящал и свои лекции, с которыми он выступал по всей Англии, будучи членом «Общества друзей России».

Безусловно, его сочинения о русском народе находили соответствующий отклик у части английской публики. Об этом свидетельствуют и резко возросшее в годы войны количество книг о России, и то, что ряд авторов чуть ли не слово в слово повторяли Грэхема. Но говорить о качественных изменениях в восприятии России англичанами, думается, нельзя.

В данном случае интересны даже не сами публикации британского писателя-путешественника, а то, как на них реагировали в русском обществе. В России отношение к сочинениям Грэхема было неоднозначным, от нейтрально-доброжелательного до полного неприятия. Последнее было характерно в первую очередь для той части российского общества, которая не принимала идей мистицизма и считала, что подобный образ России вредит союзническим отношениям. Казалось бы, доброжелательный подход на фоне преобладающих негативных красок, которыми на Западе привыкли рисовать Россию, должен бы

был приветствоваться. Он писал (вполне искренне) в патриотическом духе народной войны с Германией. Однако Грэхем отстаивал традиционную Русь, что как раз и не устраивало его либеральных критиков.

Интересно, что одновременно в двух российских газетах – «Речь» и «Русские ведомости» – в феврале 1915 г. были напечатаны статьи, где весьма нелестно отзывались о публикациях Грэхема. Поводом послужило его выступление на открытии в Англии «Общества друзей России». В кадетской «Речи» отмечалось, что в своих сочинениях писатель представляет русскую действительность в несколько одностороннем и тенденциозном освещении. «Мы считаем нужным говорить об этом потому, что по нашему мнению, нам нужнее всего теперь от наших союзников найти общий язык и добиться взаимопонимания. Для этого не нужно быть “бесконечно выше”, но конечно нужно не считаться “ниже”...» [9, с. 2]. Прослеживается даже некоторое опасение отечественного журналиста, что английское общественное мнение вынуждено иметь дело с деятелями подобными Грэхему. Среди «добросовестных и сведущих исследователей нашей родины» назывались имена М. Бэринга и Г. Вильямса. В газете «Утро России» его сочинения вообще назвали «развесистой клюквой» [12, с. 1].

Лидер кадетов П.Н. Милюков, анализируя существовавшие в Англии взгляды в отношении России, выделили три течения: скептически-отрицательное, либеральное и консервативное. Ярким выразителем последнего направления, по Милюкову, и является Грэхем, который «открыл» и идеализировал для употребления английского общества «бродячую Русь». «На наши недостатки, насколько их замечают, здесь смотрят снисходительно, объясняют их историей и считают значительно преувеличенными русской “интеллигенцией”. На интеллигенцию здесь смотрят вообще глазами “Вех” и противопоставляют ей коренную, настоящую, сермяжную Русь и русскую народную “мужицкую” веру» [10, с. 24]. Говорил Милюков об этом в своей речи на открытии «Общества Сближения с Англией», отмечая особую роль Англии в этой войне и важность «согласия» с взглядами англичан, что

«является для нас ручательством правильности нашей идеологии и прочной гарантией её возможного полного осуществления» [10, с. 23].

Русские буржуазно-либеральные круги, стремясь к союзу с Британией, видели в таком сближении условие для политических реформ и преобразований в России. Естественно, что они были заинтересованы, чтобы британская общественность получала адекватное представление о России и русском народе, а главное, об их стремлении к демократическим переменам. Образ России, которая «сидит за прялкой и молится, пока остальные нации борются во имя материальных благ», не мог устроить прозападную часть российского общества.

Многие русские литераторы высказывали недоумение по поводу «внезапно вспыхнувшего увлечения» в Англии всем русским. К. Чуковский, посетивший Великобританию в числе делегации русских писателей весной 1916 г., заметил, что всю Англию завалило книгами о России и русском народе. «Нигде во всем мире никто не увлекается так пламенно нами, нашей жизнью и нашей душой, как увлекаются сейчас англичане. Все русское им страшно любопытно... К р у с с к о м у Х р и с т у интерес чрезвычайный...» [14, с. 118-119]. Сходного мнения придерживались и другие участники этой поездки. А. Толстой возмущался по поводу того, что «теперешнее влечение англичан ко всему русскому нарывается на большие несообразности» [13, с. 75]. В. Набоков высказывал надежду, что «писания таких “авторитетов” как *Stephen Graham* обратятся в смешной анахронизм» и в скором времени начнутся поездки к нам английских журналистов и писателей [8, с. 18]. Но заметим, что в России работало немало британских корреспондентов, в том числе и в русской армии, благодаря репортажам которых и создавался миф о русском «паровом катке».

Наиболее острым критиком Грэхема стал Дионео (И. Шкловский), корреспондент русских газет в Англии, который не раз писал о нем в «Русских ведомостях». Он также был убежден, что необходимы специалисты, «могущие дать точные сведения о разных сторонах русской жизни», в то время как

Грэхем стал в Англии «своего рода Мартыном Задекой» (толкователь снов – *C.T.*) [4].

Их противостояние было не случайно. Шкловский в молодости был народником, несколько лет провел в сибирской ссылке. Прожив в Англии длительное время, он стал приверженцем буржуазного конституционализма. Русскому журналисту был непонятен стремительный успех книг Грэхема, которого он характеризовал как необыкновенно «смелого» на выводы писателя, отличительной особенностью которого являлась «удивительная» легкость мыслей. Он считал, что Грэхем вводил своих читателей в заблуждение. Так как он считался в Англии «величайшим авторитетом по русским делам», и все его «утверждения принимались в Англии как аксиомы, то тем более должна была поразить англичан революция в России» [3, с. 81-82].

Естественно, что Дионео не мог спокойно относиться к позиции британца по еврейскому вопросу, которую он объяснял как раз его «русским национализмом». Грэхем выступает против русских евреев, так как те были для него «олицетворением западничества, материализма и торгашества», поэтому «русский патриот не выносит еврея» [4].

Российские оппоненты не раз ставили под сомнение знание Грэхемом русского языка и литературы. Например, Дионео высмеивает использование им слова *rabobozhnik*. В ответ на подобные обвинения Грэхем возражал следующим образом: «Я прошагал пять или шесть тысяч миль вдоль и поперек страны и жил там годами. Я должен сказать, что я говорил на языке, я жил среди крестьян, совершал паломничество вместе с ними, путешествовал с ними, я читал русскую классику в оригинале...» [20, р. 263-264].

Другой вопрос, что восприятие им русской литературы было избирательным. Основным критерием для него был не столько художественный талант писателя или художника, а то, насколько творчество соответствует его, Грэхема, представлениям о России. Поэтому всё, что можно отнести к литературе западного направления, не представляет для него серьёзного интереса. Он считал, что И. Тургенев своим творчеством уводит в

сторону от самобытности России, как и другие писатели, принадлежащие к тургеневской школе, например, И. Бунин.

И дело не только и не столько в неизбежных неточностях, которые допускали иностранцы в своих сочинениях. Взгляды Грэхема и Дионео на Россию были противоположными. Если англичанин желал «консервации» самодержавно-крестьянской России, то россиянин – её демократизации по примеру Англии.

Сложно сказать, чем же была обусловлена популярность подобных сочинений в Британии в предвоенные и военные годы. Был ли это интерес к новому, для многих неожиданному (после антироссийской истерии, вызванной Крымской войной и восточным кризисом 1870-х) союзнику, либо, условно говоря, некая «экзотика», а может быть искренняя убежденность автора. Возможно все эти факторы вместе и определили феномен Грэхема. Но предположим, что британское общество вполне устраивало, что русский солдат «с готовностью идет на смерть».

Грэхему досталось также и от М. Горького, который хоть и принадлежал к другому идейному лагерю, но также был «западником». В первом номере своего журнала «Летопись», стоящим на антивоенных позициях, Горький опубликовал статью «Две души» [1], в которой писатель выступил против «азиатчины» в русской духовной культуре. Это было концептуальное произведение, проникнутое критикой русофильских шовинистических идей. В нем Горький противопоставлял два культурных типа: «Европеец – вождь и хозяин своей мысли, человек Востока – раб и слуга своей фантазии» [см.: 6].

Надо отметить, что публикация была очень неоднозначно воспринята, в лагере патриотов она вызвала бурю возмущения. Ответом на критику стала статья писателя «Письма к читателю», в которой, в том числе, критиковались взгляды Грэхема и ему подобных на Россию [2].

Горький считал, что под «самобытностью» России скрываются «наше бесправие, безволие и беззаботность человека по отношению к самому себе, к ближнему, к живым интересам своей страны». Он был уверен, чтобы «нас не

грабили, не унижали, не ездили верхом на наших шеях внешние и – особенно тяжёлые – внутренние враги, нам необходимо заботиться не о мистической “последней свободе”, а о завоевании простейших гражданских прав ...необходимо разбудить и воспитать её [страны] волю к жизни». И то отношение к России, которое устанавливает нашумевшая книга Стефана Грэхема (видимо речь идет о книге «Путь Марты и путь Марии» – *С.Т.*), не может быть для неё полезно. Эта книга встречена с восторгом только потому, считает Горький, что, «рисую нас блаженными бездельниками, она позволяет английскому капиталисту рассматривать Русь, как Африку, Индию, как будущую её колонию» [2, с. 173].

Горький точно определил то место, которое ведущие страны отводили России. У британского писателя прослеживается сходная идея, но в его оправдание отметим, что он смотрел на это с несколько иных позиций. Грэхему, по-видимому, не раз приходилось сталкиваться с подобным мнением: «если спросить обычного русского, что является основой англо-русской дружбы, если не брать во внимание нужды войны, он ответит – коммерческая эксплуатация» [19, р. 87]. И ему оставалось только сожалеть, что русские не понимают «глубину и искренность нашего интереса к их особенной религии, литературе и жизни».

Возможно, что Грэхему даже льстило такое внимание к нему со стороны известного писателя, в своей книге он вступает с ним в заочную полемику, так как не мог согласиться с критикой Достоевского. По его мнению, Горький бросает вызов национальным и традиционным идеям русской жизни и литературы, считая, что Достоевский плох для России, что Россия должна решительно отвернуться от Достоевского, должна перестать быть «мистической, страдающей, меланхоличной», должна стать «ясно мыслящей и хозяйкой своей души». На это Грэхем возражает, что именно та Россия, на которую нападает Горький, духовно интересна для Англии – мистическая непрактичная Россия, Россия «в странничестве», художественная Россия. Россия же, какую он хочет её видеть, «просто будет иметь наименьший

духовный интерес для нас – Россия оптимистичная, самоуверенная, деловая, хорошо-одетая, модная и западная» [19, р. 83]. Но эти возражения британского писателя так и остались без ответа с русской стороны. Ведь он защищал «Россию Достоевского» перед британской публикой, а не перед русской. Хотя ответ последовал.

В том же журнале «Летопись» была напечатана серия статей под названием «Письма В. Симпльтона», которые были явной пародией на сочинения Грэхема и ему подобных. Это видно не только потому, что его имя несколько раз упоминается в тексте («м-р Стивен Грэм, – а ведь он должен знать Россию: он долго пробыл в этой стране и так привык к ней, что даже в Лондоне носит барашковую шапку, рубашку странного покроя и маленькую иконку на груди» [11, с. 289]), но очень узнаваемы многие эпизоды. Грэхем предполагал, что автором этих статей был сам М. Горький. Но они были написаны А.В. Соколовым (он же С. Вольский), ярким публицистом [5, с. 206].

К Горькому Грэхем относился всегда с большим интересом. Британскому «бродяге» были близки длительные странствования русского писателя по Руси. Он считал, что Горький на раннем этапе был замечательным романистом, но его последующая деятельность и направление творчества уже не могли вызвать к нему симпатий британца: лучше бы Горький писал о своих странствиях, вместо того, чтобы заниматься революционной пропагандой.

Как мы видим, публикации Грэхема не оставляли равнодушными. Возможно, что его сочинения о России и русском народе воспринимались в духе традиционного стереотипа («балалайка, медведи, водка»), столь живучего и в наши дни. Ему отказывали в искреннем желании и попытке понять «настоящую Россию». А вот его размышления об англо-русских отношениях оставались без внимания, хотя он естественно смотрел на это с позиций английской выгоды.

На первый взгляд, оппоненты британского писателя вполне справедливо критиковали его за нежелание видеть Россию буржуазной страной, что, по их мнению, было единственным прогрессивным путем развития. Но то, что

случилось в 1917 г. опровергло надежды и устремления и первого, и вторых. Народ не поддержал царя, но он не поддержал и буржуазию, а затем отрекся и от Святой Руси. Хорошо известно к чему привел резкий слом традиционных устоев. Грэхем не зря опасался, что Россия может пойти по «неверному пути в кошмар Достоевского».

Интересны послереволюционные сочинения и размышления Грэхема о России (названия Советский Союз он не признавал). Он очень сожалел, что старая Россия ушла, а в новой России не осталось ничего из того, что так ценно в ней было – её особенная национальная жизнь, её литература, искусство и музыка, её вклад в научные исследования, её церковь, её «религиозный пыл», то, почему Россия называлась Святой Русью [20, р. 5].

Что касается эволюции его взглядов на Россию, то они в основе своей, несмотря на то, что новый режим он воспринимал как антитезу Святой Руси, практически не изменились. Сама форма правления большевиков, по мнению Грэхема, была своеобразным самодержавием, в котором нуждался «покорный и терпеливый русский народ», где место царя занял Сталин. На первый взгляд выглядит парадоксально, что Грэхем, представитель страны с многовековыми демократическими традициями, выступает защитником самодержавного строя. Но в этом политическом институте он видит гарант сохранения Россией своей самобытности, а, следовательно, и её мирового предназначения, каким оно виделось писателю.

Грэхему обидно, что у власти оказались те, кто, по его мнению, всегда были враждебны России. Революция забрала власть у знати и среднего класса, но она не отдала её рабочим. Власть оказалась у «разнородной команды международных революционеров и агитаторов», которые ненавидели Россию, потому что «это была нация с замечательными традициями и христианской миссией носителя благих вестей, если следовать Достоевскому; выразившая себя мощно в литературе, искусстве и музыке, религиозной философии и ритуалах, паломничестве и церковных песнопениях. Старую Россию ненавидели, потому что она была исключительной» [21, р. 30-31]. Но вот

сходство между большевиками и буржуазией для Грэхема очевидно – и те, и другие были врагами крестьянства и религии.

Он был уверен, что рано или поздно всё изменится. Россию автор сравнивал с «древней вечнозелёной елью», а большевизм – с «оппадающим деревом», листья которого опадают зимой, оставляя видимым вечнозелёный лес. В середине 1920-х гг. он практически предсказал, что возмездие ждёт большинство кровавых лидеров; что мавзолей Ленина будет неизбежно разрушен, так как это оскорбление Христа; что Ленин может быть канонизирован атеизмом и «Живой Церковью», но и царь может быть канонизирован после него; что Россия может колебаться от крайне левого края к крайне правому [20, р. 16]. Он понимал, что Россия уже никогда не станет такой, какой она была прежде.

Но Грэхем верил, что у России ещё всё в будущем. «Поражения и революции не разрушают нации и не лишают их будущего. Россия выжила в революции и Второй мировой войне, она переживёт и коммунизм тоже» [21, р. 12]. Как видно, во многом он оказался прав, в независимости от строя, русский народ мало изменился. Он хорошо понимал, что к России нельзя подходить с западными цивилизационными мерками, но был вынужден констатировать, что на Западе, как правило, Россию интерпретируют в понятиях своего опыта [21, р. 9]. Кстати, главную причину поражения Гитлера в войне он видел именно в том, что, несмотря на лучшую в мире информационную службу, в Германии так и не смогли понять, что Россия есть на самом деле.

Полемика в русской печати по поводу сочинений Грэхема о России является примером столкновения разных ценностных установок. Не будем определять, кто же оказался прав в этом заочном споре. Любое восприятие субъективно, реальность же оказывается сложнее привычных стереотипов или создаваемых «образов». Спустя столетие остаются актуальными вопросы об осознании «кто мы», о путях развития России, и ее адекватного восприятия в контексте отношений с западным миром. Не менее остро стоит проблема влияния коммерции на культуру и духовную жизнь.

Список литературы:

1. Горький М. «Две души» // *Летопись*. 1915. № 12. С. 123-134.
2. Горький М. Письма к читателю // *Летопись*. 1916. № 3. С. 171-177.
3. Дионео [Шкловский И.В.] Англия, 1914-1919. Париж: Povolozky, 1920. 100 с.
4. Дионео. Сближение с Россией // *Русские ведомости*. 1915. 28 февраля. № 48. С. 6-7.
5. Дубинская Т.И. *Летопись // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905-1917. Большевицские и общедемократические издания*. М.: Наука, 1984. С. 202-227.
6. Епанчин Ю.Л. М. Горький и журнал «Летопись» в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] // «Первая мировая война и русская литература» [сайт]. URL: <http://ruslitwwi.ru/files/attachment/335.pdf> (дата обращения 20.06.2018).
7. Зашихин А.Н. *Британская Rossica второй половины XIX-начала XX в.* Архангельск: Солти, 2008. 112 с.
8. Набоков В.Д. *Из воюющей Англии. Путевые очерки*. Петроград: : Худож.-графич. заведение "Унион", 1916. 129 с.
9. Речь. 1915. 28 февраля. № 57. С. 2.
10. *Россия и Англия. Речи, произнесенные на торжественном открытии Общества Сближения с Англией в Москве, 22 мая 1915 г.* М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1915. 44 с.
11. Симпльтон В. Письма знатного иностранца // *Летопись*. 1916. № 4. С. 288-299.
12. Снова «развесистая клюква» // *Утро России*. 1915. 23 октября. № 291. С. 1.
13. Толстой А.Н. *В Англии. На Кавказе. По Волыни и Галиции*. М.: Товарищество "Книгоиздательство писателей в Москве", 1916. 253 с.
14. Чуковский К. *Англия накануне победы*. Петроград: т-во А.Ф. Маркс, [1917]. 146 с.

15. Graham S. *Changing Russia*. London: J. Lane, 1913. IX, 309 p.
16. Graham S. *With Poor Immigrants to America*. London: Macmillan, 1914. XVIII, 304 p.
17. Graham S. *The Way of Martha and the Way of Mary*. New York: The Macmillan Company, 1915. XII, 296 p.
18. Graham S. *Russia and the World*. London: Cassell, 1915. XI, 259 p.
19. Graham S. *Russia in 1916*. New York: The Macmillan Company, 1917. 191 p.
20. Graham S. *Russia in Division*. London: Macmillan, 1925. X, 293 p.
21. Graham S. *Summing-Up on Russia*. London: E. Benn, 1951. 224 p.
22. Graham S. *Part of the Wonderful Scene, an Autobiography*. London: Collins, 1964. 319 p.

Сведения об авторе:

Третьякова Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и права Северодвинского филиала Северного (Арктического) федерального университета (Северодвинск, Россия).

Data about the author:

Tretyakova Svetlana Nikolayevna – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of History, Philosophy and Law Department, Severodvinsk Branch of the Northern (Arctic) Federal University (Severodvinsk, Russia)

E-mail: swetsn@mail.ru.